

ЮРИЙ ПАВЛОВ

“НЕСОСТОЯВШАЯСЯ РЕВОЛЮЦИЯ” ИЛИ НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ ОТКРЫТИЕ

Думаю, разговор о книге Татьяны и Валерия Соловей “Несостоявшаяся революция. Исторические смыслы русского национализма” (М., 2009) есть смысл начать с важной особенности методологии, избранной авторами исследования. Многие их основополагающие взгляды вырастают из работ зарубежных учёных, прежде всего Ицхака Брудного, доктора политологических наук Иерусалимского Еврейского университета. При этом израильский исследователь очень редко цитируется. Как правило, делаются ссылки на его книгу и периодически кратко излагаются некоторые её положения.

На мой взгляд, такое отношение к первоисточнику научно непродуктивно и некорректно. Книга Ицхака Брудного, изданная на английском языке, недоступна для большинства читателей, которым остаётся верить или не верить её московским интерпретаторам. Они же израильскому учёному не просто верят: подавляющая часть суждений Брудного для Татьяны и Валерия Соловей — это и аксиомы, и своеобразный трамплин в их исследовательских “инновациях”. При этом неточность и первоначального посыла профессора Еврейского университета, и его дальнейшего — в никуда — преломления профессорами МГУ и МГИМО не вызывают сомнений.

Например, корни явления, которое в “Несостоявшейся революции” называется национализмом 60–80-х годов XX века, авторы книги видят, в частности, в социальном происхождении многих идеологов данного движения. Вслед за Брудным Татьяна и Валерий Соловей, отталкиваясь от места рождения “большинства видных националистов”, делают следующий вывод: “Деревня и провинциальный городок были материнским лоном значительной части русского националистического истеблишмента, тем идеализированным прошлым, откуда они черпали своё творческое вдохновение и где искали рецепты переустройства современной им жизни” (с. 214).

“Идеализация прошлого”, “идеализация деревни” — эти оценки Соловьёв, неоднократно встречающиеся в их книге, совпадают с теми обвинениями, которые звучали в адрес “деревенской прозы” со стороны официозных и “левых” авторов в 60–80-е годы XX века. И то, что в рецензируемой книге реанимируются подобные взгляды, свидетельствует, в частности, о мировоззренческой родословной Татьяны и Валерия Соловей. Во многом поэтому они не понимают очевидное.

Особое отношение к деревне “правых” или, как они называются в книге, “русских националистов”, социальным происхождением не только не исчерпывается, но даже не измеряется. Напомню, что Юрий Казаков, родившийся на Арбате, состоялся как русский человек и русский писатель благодаря Поморью, и его восприятие деревни было сродни восприятию Василия Шукшина, Василия Белова, Валентина Распутина и других представителей “деревенской прозы”. Ещё один “арбатовец” Вадим Кожинов, который называется в книге “Несостоявшаяся революция” “асфальтовым” националистом, в статье 1967 года “Ценности истинные и мнимые” высказал ряд принципиальных суждений, точно определяющих позицию “правых” в данном вопросе: “Для В. Белова его герой (Иван Африканович Дрынов. — Ю. П.) выступает не как “тоже человек”, но как человек в наиболее полном, целостном значении слова”; “В повести нет, в частности, превосходства человека, живущего на земле, землёй, над людьми, ведущими иной образ жизни, нет идеализации “патриархальности” и т. п. Герой Белова нисколько не “лучше” людей, сформированных иными условиями: он только — в силу самого своего образа жизни — обладает единством бытия и сознания — единством практической, мыслительской, нравственной и эстетической жизнедеятельности”; “Человек, живущий на земле, вросший в неё корнями, сохраняет полноту восприятия мира; в нём — пусть в зачатках, но цельно, органически, полнокровно — живёт вся цивилизация, вся культура — труд, мысль, нравственность, искусство” (Кожинов В. Статьи о современной литературе. — М., 1982).

Пик фактических ошибок и фальсификаций в книге “Несостоявшаяся революция” приходится на главу девятую “Национальные идеи и русское общество”, в которой речь идёт о так называемой “русской партии” 60–80-х годов XX века. В этой главе содержатся многочисленные свидетельства того, что авторы книги плохо разбираются в данном вопросе. Приведу несколько характерных примеров.

На странице 244-й давление цензуры на “писателей-деревенщиков”, зачисленных в националисты, доказывается очень своеобразно: “По крайней мере, на рубеже 70–80-х годов XX века “деревенщики” постоянно жаловались (разрядка моя. — Ю. П.) на удушающую цензуру”. Ссылка на жалобы звучит, конечно же, необоснованно, а иных “доказательств” цензурного давления в книге нет. Более того, такая “аргументация” ставит под сомнение саму идею притеснения авторов “деревенской прозы” и русских националистов вообще.

Трудно сказать, почему Татьяна и Валерий Соловей не приводят факты, известные любому профессиональному и добросовестному исследователю проблемы. Например, письмо Начальника Главного управления по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР П. К. Романова в ЦК КПСС от 6 мая 1982 года. В этом письме называются публикации в журнале “Наш современник” за 1980–1982 годы, вызвавшие нарекания и вмешательства цензуры: “Живая нива”, “В верховьях Ловати и Великой”, “Земля русская” Ивана Васильева, “Лад” Василия Белова, “Вова, т-сс-с” Владимира Солоухина, “Несчастье”, “Русские городки” Юрия Бондарева, “Драчуны” Михаила Алексева, “Сороковой день” Владимира Крупина, “Репортаж” Николая Рубцова.

Прочитав отрывок из письма Романова, в котором говорится о “Драчунах” М. Алексева: “В эту (последнюю. — Ю. П.) часть писатель включил материал о голоде 1933 года, причём утверждал, что этот голод (страшнее, чем в 1921 году) распространился на Поволжье, Северный Кавказ, Украину, Западную Сибирь, Северный Казахстан, Нижний Урал. Причиной голода, по мнению автора, был не урожай, а самоуправство властей, роковой просчёт, допущенный сверху <...>.”

Поскольку в историко-партийной литературе и официальных документах о голоде 1933 года ничего не говорится, нами были высказаны соображения о нецелесообразности публикации материала в представленном виде. Автор, приглашённый в Главлит, с этим не согласился и исключил из произведения лишь указание на широкое распространение голода в стране и некоторые натуралистические описания его проявлений в селе Монастырском”.

Для понимания роли “деревенской прозы” и “русской партии” в отечественной истории необходимо иметь в виду то, о чём у авторов “Несостоявшейся революции” не говорится ни слова. Михаил Алексеев первым в нашей стране

в подцензурной печати сказал правду о голоде 1933 года, а Михаил Лобанов в статье “Освобождение” (“Волга”, 1982, № 10), посвящённой “Драчунам”, пошёл дальше... Эта статья была воспринята Юрием Андроповым, Альбертом Беляевым и многими другими – от работников ЦК КПСС до официальных и либеральных критиков – как великая крамола, как ревизия советской версии коллективизации в жизни и литературе. Хотя ревизия, конечно, началась раньше – в “Плотницких рассказах” и “Канунах” Василия Белова...

Итоговая реакция со стороны власти на деятельность “русской партии” по возрождению исторической памяти – постановление ЦК КПСС “О творческих связях литературно-художественных журналов с практикой коммунистического строительства” от 30 мая 1982 года. В нём, в частности, говорилось: “...События отечественной истории, социалистической революции, коллективизации изображены с серьёзными отступлениями от жизненной правды. Отдельные публикации содержат предвзятые, поверхностные суждения о современности...”.

В книге, подчеркну, историков Татьяны и Валерия Соловей и этот документ отсутствует. Как отсутствует и многое другое, что не позволяет всерьёз, полноценно говорить о “русской партии”: ссылки на дискуссию “Классика и мы”, на работы М. Лобанова, В. Кожина, П. Палиевского, О. Михайлова, Ю. Селезнёва, Ю. Лошица, А. Ланщикова, С. Семанова, опора на произведение В. Белова, В. Шукшина, Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Распутина, Вл. Солоухина, Е. Носова и т. д. Поэтому большинство оценок, данных авторами “Несостоявшейся революции” русским националистами, воспринимаются лишь как наукообразная паутина, словоблудие, не имеющее никакого отношения к объекту исследования.

Правда, ситуация принципиально не меняется, когда необходимая конкретика появляется. Так, на странице 228-й 1962 год называется годом создания ВСХСОН. На самом деле эта организация появилась в 1964 году, о чём, в частности, говорится в статье члена ВСХСОН Леонида Бородина “По поводу одного юбилея” (“Москва”, 1994, № 2). Или на странице 245-й всего одним абзацем характеризуется “Русский клуб”, однако профессор МГУ и профессор МГИМО умудряются на таком “пяточке” допустить несколько фактических ошибок. “Русский клуб” функционировал не два года, как утверждают авторы книги, а пять лет – с 1967 по 1972 годы. Петр Паламарчук не мог быть его участником, ибо ему в 1968–1969 годах (называемых Т. и В. Соловей) было 13–14 лет. Инициалы известного критика, литературоведа, писателя Михайлова – О. Н., а не О. М. Что же касается Ильи Глазунова, упоминаемого авторами книги, то, видимо, есть больше оснований доверять Сергею Семанову, который утверждает, что “такие известные тогда деятели русской культуры, как Илья Глазунов или Владимир Солоухин, в работе клуба не участвовали. Во всяком случае, я о том не могу вспомнить” (Семанов С. “Русский клуб” // Семанов С. Русско-еврейские разборы. – М., 2004. – С. 182).

Ещё на одну особенность “Несостоявшейся революции” первым справедливо указал Илья Кукулин: “Вообще, русских авторов Т. и В. Соловей цитируют в основном по иностранным научным трудам, так что национализм двух московских профессоров приобретает какой-то подозрительно импортный вид: мысли П. Киреевского и К. Аксакова приводятся по реферату книги польского историка Анджея Валицкого, а цитаты из П. Пестеля и М. Каткова – по работе британского историка-русиста Джеффри Хоскинга, и такого рода примеры можно продолжать” (<http://www.openspace.ru/literature/projects/9533/details/11085>).

Другая “ветвь” русских националистов, по классификации Т. и В. Соловей – это городские рафинированные интеллигенты, представленные в главе восьмой “Возрождение национализма” Вадимом Кожинным и Петром Палиевским. Появление этих, по выражению авторов книги, “асфальтовых” националистов было вызвано “разочарованием в хрущёвском правлении и коммунистической политике вообще” (с. 214).

Свидетельства, подтверждающие данную версию, историками не приводятся и не могут быть приведены, так как объективно не существуют. Их нет и быть не может прежде всего потому, что для разочарования в Хрущёве первоначально нужно было им очароваться, а это к Кожиннову и Палиевскому не имеет никакого отношения. Вот, например, сталинистом Вадим Валерианович в молодости был, но хрущёвофилом – никогда. Тезис о разочаровании

в коммунизме неизвестно из каких работ, высказываний произрастает, но известные статьи и интервью Кожина иной направленности (правда, более позднего времени): “Коммунизм неизбежен?..”, “О революции и социализме – всерьёз”, “Социализм в России – это неизбежность”...

В числе других причин, вызвавших появление “асфальтовых” националистов, называются “экологическое варварство” (строительство гидроэлектростанций и ЦБК на Байкале), “разрушение традиционно-культурной среды”, “мощная антирелигиозная пропаганда” (с. 215). И с такой версией событий трудно согласиться по следующим причинам.

Во-первых, в годы правления Хрущёва сооружение ГЭС воспринималось восторженно представителями разных направлений. Во-вторых, решение о строительстве ЦБК на Байкале было принято ещё в 1953 году. Само же сопротивление строительству, а затем и эксплуатации комбината объединило людей разных мировоззрений и национальностей, которые экологическое преступление власти воспринимали без какого-либо национального окраса. Подробно об этом сопротивлении повествует В. Распутин в книге “Земля у Байкала” (Иркутск, 2008, с. 73–129). В-третьих, в хрущёвские времена националистической реакции со стороны Кожина и Палиевского на антирелигиозную пропаганду и разрушение традиционной культурной среды не было и в принципе быть ещё не могло в силу широко известного факта биографии Вадима Валериановича и Петра Васильевича...

Вопросы и несогласие вызывает практически каждая страница “Несостоявшейся революции”, где речь идёт о русских писателях и мыслителях. И хотя московские профессора, как уже говорилось, не утруждают себя доказательствами, примерами, любому человеку, знающему историю русской словесности и отечественной мысли, думаю, очевидны и мертворождённость частных утверждений авторов “Несостоявшейся революции”, и несостоятельность общей концепции их книги. Иными словами, наполнение конкретным содержанием сотен фактологических лакун “Несостоявшейся революции” выявляет отсутствие в книге обратной связи между “теорией” и “практикой”.

Например, на 242-й странице Т. и В. Соловей относят к либеральным националистам “либеральное крыло деревенщиков и журнал “Новый мир” и характеризуют их, в частности, так: “Они признавали необходимость радикальных (разрядка моя. – Ю. П.) политических и экономических реформ”.

Во-первых, вызывает удивление, что Александр Дементьев, Игорь Сац, Владимир Лакшин, Ефим Дорош, Александр Твардовский и другие “новомировцы” попадают в разряд националистов, пусть и либеральных. Советскость была всеопределяющим началом в их мировоззрении и творчестве (об этом я подробно говорю в статьях “Александр Твардовский: мифы и реальность, или Заметки о заметках В. А. и О. А. Твардовских”, “Владимир Лакшин: привычный и неожиданный”, “Михаил Лобанов: русский критик “на передовой” // Павлов Ю. Критика XX–XXI веков: литературные портреты, статьи, рецензии. М., 2010). Уже поэтому любой национализм “новомировцев”, как и идеи “радикальных политических и экономических реформ”, исключаются. Можно говорить лишь о редкой, эпизодически проявляющейся русскости у Твардовского и Лакшина.

Во-вторых, непонятно, кого из “деревенщиков” Т. и В. Соловей относят к либеральному крылу (фамилии не названы). Видимо, тех писателей, кто в 60-е годы публиковался в “Новом мире”. Однако эти авторы, о чём неоднократно говорилось, в 70-е годы без какой-либо смены вех – мировоззренческих и творческих – стали “лицом” “Нашего современника”, журнала, по классификации Т. и В. Соловей, консервативных националистов. Не вызывает сомнений, что факт публикации названных писателей в “Новом мире” не свидетельствует об их национальной и иной ориентации, а либеральное крыло “деревенщиков” – это миф, порождённый элементарным невежеством московских профессоров.

Создаётся впечатление, что авторы книги часто просто не понимают того, о чём пишут. Так, на 243-й странице утверждается, что в годы правления Брежнева “русофилы контролировали” и журнал “Кубань”. Если бы Т. и В. Соловей хотя бы открыли альманах (а не журнал) “Кубань” 70-х – начала 80-х годов, то легко бы убедились, что русский дух в нём отсутствует вообще. Это было серенькое, советски-правоверное издание. Ситуация резко изменилась лишь в 1987 году, когда главным редактором “Кубани” стал Виталий Канаш-

кин. Или на той же 243-й странице сообщается, что “деревенщики” были “при Хрущёве лишь одной из групп интеллектуальной элиты”. Этого не было уже потому, что “деревенская проза” как явление, как идейно-эстетическая общность писателей в реальности и в восприятии окружающих — от читателей и критиков до партийных верхов — ещё не существовала. Это произойдёт на рубеже 60–70-х годов, чему, в частности, будет способствовать публикация таких классических произведений “деревенской прозы”, как “Привычное дело” (1966) Василия Белова, “Деньги для Марии” (1967) Валентина Распутина, “Письма из Русского музея” (1966) Владимира Солоухина.

И вот на таком уровне на протяжении большей части книги размышляют Т. и В. Соловей о русских националистах, среди идеологов которых преобладали писатели, философы, критики, публицисты. Этот уровень не повышается, когда речь заходит о “собственно” истории. Например, в главе десятой “На переломе (вторая половина 80-х — начало 90-х годов XX века)” при характеристике событий декабря 1991 года проводится следующая параллель: “В 1917 г. московским юнкерам, генералу Корнилову и тысячам офицеров не требовались ничьи распоряжения и приказы, чтобы выполнить свой долг. Но курсанты советских военных училищ не уподобились московским юнкерам, ни одна (!) воинская часть не выступила под знаменем “единого и неделимого СССР”, никто не уходил на Волгу к генералу Макашову, как уходили на Дон к генералу Краснову” (с. 279).

Такое видение переломных событий в истории России XX века можно объяснить только очень сильной понятийной мешаниной и плохим знанием истории периода революции и гражданской войны.

Во-первых, о какой верности долгу многих генералов и офицеров царской армии, Корнилова и Краснова в том числе, может идти речь, если в марте 1917-го они нарушили присягу?..

Во-вторых, авторы книги многократно преувеличивают число офицеров, воевавших в армии Корнилова. С нехарактерной для историков “точностью” они утверждают, что “тысячи и тысячи”. На самом деле, по свидетельству Станислава Ауского, в Добровольческой армии при Корнилове были 3 полных генерала, 8 генерал-поручиков, 25 генерал-майоров, 199 полковников, 50 подполковников, 215 капитанов, 251 штабс-капитан, 394 поручика, 535 корнетов, 688 прапорщиков, 364 унтер-офицера (Ауский Ст. Казаки. Особое сословие. — М., 2002. — С. 288). Юнкеров же было 437 человек, а какая часть из них — москвичи, неизвестно...

В-третьих, само движение на Юг, на что делают упор авторы книги, далеко не всегда было обусловлено чувством долга. Так, в момент первых боёв за Ростов-на-Дону в городе находилось около 16 тысяч офицеров, в Добровольческой же армии служили 2732 человека. Однако сие не означает, что все “недобровольцы” были трусы, шкурники, люди без чести и т. д. Руководство Белого движения, заявившее о республиканском будущем России, отпугнуло часть офицеров-монархистов. Ещё меньше оснований было у них идти к “самостийнику” Петру Краснову, ратовавшему за появление новых государственных образований на юге России. Краснов же у Т. и В. Соловей — символ борца за “единую и неделимую Россию”...

Вызывает возражения и “кровавый” подход Т. и В. Соловей к национализму, подход, называемый ими “толерантным расизмом”. Более же широко национализм определяется авторами книги как “интерес к русской этничности” (с. 218). “Интерес” этот объясняется авторами книги прежде всего вышеназванными причинами. Но, на наш взгляд, любовь (“интерес” — слово в данном случае явно неудачное) к своему народу, Родине — не есть результат воздействия на человека социально-исторических и иных — внешних — факторов. Такая любовь — естество личности, данность, которая сильнее любых обстоятельств и самого человека, это чувство — “наоборот голове” (В. Розанов) и исчезающее вместе с головой. То есть в размышлениях Т. и В. Соловей о национальном не хватает метафизической высоты в понимании проблемы. Уровень большинства суждений авторов книги — это уровень крови и социальных, личностных, национальных комплексов. Важнейшая составляющая последних — проблема антисемитизма, неоднократно возникающая в книге.

Сия проблема применительно к Кожиннову и Палиевскому трактуется так: “...Для “асфальтовых” националистов <...> антисемитизм служил компенсацией предшествующей интеллектуальной и культурной зависимости от еврей-

кой среды. По откровенному признанию самого Кожина, до знакомства с Бахтиным он пребывал в уверенности, что русских интеллигентов-гуманитариев попросту не существует, что все интеллигенты — исключительно этнические евреи или с еврейской примесью. В этом ракурсе бунт против авторитетов и наставников, коими были евреи, неизбежно приобретал антисемитские черты, а антисемитизм оказался рядоположен стремлению к культурной и интеллектуальной эмансипации” (с. 217).

Нельзя согласиться с Т. и В. Соловей на уровне и “теории”, и “истории” вопроса. Так, непонятно, почему “бунт” против учёных-евреев есть антисемитизм? Тогда получается, что “бунт” против этнически русских авторов (В. Белинского, Н. Добролюбова, Д. Писарева, Н. Чернышевского, И. Волкова, Н. Гуляева, М. Голубкова и т. д.) — это русофобия? Нет, конечно.

Обвиняя Кожина и Палиевского в ненависти к евреям, Т. и В. Соловей, люди вроде бы науки, должны были хотя бы назвать работы Вадима Валериановича и Петра Васильевича, в которых проявился антисемитизм как стремление к освобождению от еврейских наставников и авторитетов. Я таких работ не знаю. Но для меня очевидно другое: антисемитизм Кожину и Палиевскому, конечно, не был присущ.

Для Вадима Валериановича, например, заядлого полемиста, борца с мифами, национальная принадлежность его многочисленных оппонентов не имела никакого значения. Так, ими были и евреи Б. Сарнов, Л. Робинсон, и русские М. Лобанов, А. Казинцев. Думаю, показательны и то, что Кожин в протяжении жизни неоднократно очень высоко оценивал работы евреев (называю вслед за Т. и В. Соловей евреев по крови, хотя этот критерий для меня и не приемлем) Н. Берковского, В. Непомнящего, Г. Гачева, Л. Аннинского (а с двумя последними и дружил), уважительно относился к сионисту М. Агурскому, был женат на Е. Ермиловой и т. д. К тому же Кожин неоднократно заявлял, что сам “кровяной” подход ему чужд: “Это перенесение из мира животных”. И главное: несмотря на то, что Кожин довольно часто в своих работах обращался к еврейской теме, антисемитизм в них отсутствует, что я на многих примерах показываю в своей статье “Вадим Кожин: штрихи к портрету на фоне эпохи” (Павлов Ю. Критика XX–XXI веков: литературные портреты, статьи, рецензии. — М., 2010).

По схожей “методологии” в разряд антисемитов попадают очень многие достойные русские писатели, мыслители, Ф. Достоевский, в частности. В главе четвёртой “Националистический дискурс в конце XIX — начале XX в.” он так характеризует Т. и В. Соловей: “Утверждение о национализме Достоевского нередко пытаются опровергнуть его знаменитой Пушкинской речью и характерными для него оговорками (это слово употреблено явно ошибочно, что свидетельствует о предвзятости авторов либо об их проблемах с русским языком. — Ю. П.) об общечеловеческой миссии России, всемирной отзывчивости русских, братской любви к человечеству. Но, как говорил один из героев Александра Дюма-старшего, Писание нам завещало любить ближних своих, однако в нём нигде не сказано, что англичане — наши ближние. Невозможно поверить, что Достоевский видел в поляках и “жидах” братьев русского народа. Его ненависть к ним была вполне реальной, хотя во многом иррациональной, и даже призывы к “братской любви” не способны закамуфлировать подлинность этого чувства” (с. 96).

Да, оригинальную версию выдвинули историки: Пушкинская речь Достоевского — лишь дымовая завеса, призванная скрыть подлинную сущность писателя, его ненависть к евреям и полякам. Только если логика “оригинального человека” из одноимённого рассказа Леонида Андреева понятна, то оригинальную логику московских учёных понять невозможно. Прежде всего потому, что о евреях и поляках в речи Достоевского даже не упоминается. К тому же чувство писателя к названным народам (в данном случае не имеет значения, верно или неверно оно определяется) — это одно, и совсем другое — идея всемирной, братской любви как выражение христианского идеала русского народа, о чём, собственно, и идёт речь у Достоевского. И, наконец, доказательствами фобий писателя доктора наук себя не утруждают.

Понятно, что в своих голословных обвинениях в антисемитизме Достоевского, Кожина, Палиевского и т. д. Т. и В. Соловей не оригинальны. Не оригинальны они и тогда, когда в главе девятой, с подачи А. Самоварова, транслируют мысль, что антисемитизм был основой для консолидации “русской

партии” в 60–80-е годы XX века, вновь, конечно, не приводя никаких доказательств. Оригинальность авторов “Несостоявшейся революции” видится в том, что они вслед за Самоваровым утверждают: у русских патриотов не было своей положительной программы и действовали они наперекор евреям: “Если евреи против социализма, то мы будем за социализм. Если евреи за демократию и рынок, то мы будем против” (с. 241). В очередной раз мне трудно сказать, на какие источники в своих фантазиях опираются Самоваров и согласные с ним Т. и В. Соловей. Приведённое высказывание, по сути, совпадает с тем, что говорит Моисеев, герой повести Л. Бородина “Правила игры”. Вполне очевидно, что автор произведения, “русист” Бородин, эти взгляды не разделяет. Как не разделяли и не разделяют их И. Шафаревич и В. Кожин, С. Семанов и О. Михайлов, Ю. Селезнёв и В. Бондаренко и другие националисты. В очередной раз не могу не задать детский вопрос: откуда у профессиональных историков такое непрофессиональное нежелание работать с первоисточниками и болезненная постоянная потребность примитивизировать взгляды оппонентов?

Ещё одна особенность книги “Несостоявшаяся революция” – в ней довольно часто происходят “жанровые сбои”: живое чувство открыто пульсирует в тексте. Это чувство весьма красноречиво и недвусмысленно выражает отношение Т. и В. Соловей к националистам.

Приведу характерные примеры из главы десятой “На переломе (вторая половина 80-х – начало 90-х годов XX в.)”. Версия Т. и В. Соловей о том, что телевидение при Ненасеве и Кравченко, якобы “разделявших с националистами часть символа веры” (умеют же крепко выражаться учёные. – Ю. П.), проиграло борьбу за аудиторию менее тиражным, либеральным печатным СМИ, сопровождается таким оригинальным “комментарием”: “Ну и что, сынку, помогли тебе твои ляхи?” (с. 262). Или на той же странице “родовая черта русского национализма, начиная со славянофилов”, определяется как “слюнявая (разрядка моя. – Ю. П.) народофилия в сочетании с незнанием <...> родного русского народа”.

Трудно спокойно комментировать такое “открытие”, но попробую. Итак, братья Аксаковы и Ю. Самарин, Н. Гоголь и Ф. Достоевский, В. Розанов и М. Меньшиков, А. Блок и И. Шмелёв, В. Белов и В. Распутин, В. Шукшин и Ст. Куняев, В. Кожин и М. Лобанов и многие другие националисты XIX–XX веков русский народ не знали и не знают, а вот Татьяна и Валерий Соловей – знают...

Не думаю, что московские учёные осознают анекдотичность своего “открытия”, ибо оно не просто лейтмотивом проходит через всю книгу, но повторяется многократно и с каким-то болезненным наслаждением. Вот как, например, характеризуются представители “русской партии” в главе девятой: “Подобно славянофилам, они выдумали <...> такую Россию и такой русский народ, которых никогда не существовало в помине. Подобно славянофилам, они опирались на культурно-идеологические мифы и предлагали двигаться вперёд с головой, обёрнутой (да, с русским языком у профессоров проблемы. – Ю. П.) назад, в прошлое” (с. 247). И в этом контексте вполне ожидаем тот окончательный приговор “русской партии”, который неоднократно звучит в книге: идеология русских националистов разрушила СССР.

Напомню, что примерно в одно время с Т. и В. Соловей подобное “открытие” сделал в своей работе “Кризис и другие” Сергей Кургинян, о которой мне уже приходилось писать (“Наш современник”, 2010, № 1). Не знаю, своим ли умом названные авторы дошли до такого абсурда, или выполняли чей-то заказ... Знаю другое: чувство реальности, научной объективности должны быть превыше всего в работе любого исследователя. В книге же Т. и В. Соловей преобладают явно выраженная предвзятость, партийность, голословность в трактовке разных лиц и событий. Как можно всерьёз Михаила Горбачёва (пусть и связан Валерий Соловей “родовой пуповиной” с его фондом) называть “прорусски ориентированным лидером” (с. 258), а Александра Солженицына – “знаменем русского национализма” (с. 232)? На основании чего можно делать заявления, подобные следующему: “То, что у Вадима Кожина и Василия Белова было на уме (интересно, как об этом узнали Т. и В. Соловей? – Ю. П.) или звучало в кухонных разговорах, у Дмитрия Васильева и Игоря Сычёва появилось на языке и стало главной темой публичных выступлений” (с. 265)?

Непрофессионализм, научная, человеческая слабость авторов книги “Несостоявшаяся революция” проявляется и в том, что они ссылаются только на тех исследователей вопроса, с кем согласны или с кем легко полемизировать, и не замечают работы тех авторов, у которых данная проблема трактуется принципиально иначе. Назову только некоторые имена: И. Шафаревич, М. Назаров, О. Платонов, С. Семанов, А. Степанов, А. Чеботарёв, А. Кожевников, В. Карпец, В. Жиров.

Видимо, по той же причине не “задействованы” в “Несостоявшейся революции” мемуары Ст. Куняева “Поэзия. Судьба. Россия”, М. Лобанова “В сражении и любви”, Л. Бородина “Без выбора”, С. Викулова “Что написано пером...”, без которых полноценный разговор о русских националистах 60–80-х годов XX века невозможен.

Такие же концептуальные идеи книги Т. и В. Соловей, как “имперское государство всегда было враждебно русским”, “революционная динамика начала XX в. фактически была национально-освободительной борьбой русского народа против чуждого ему <...> правящего слоя и угнетающей империи” (с. 166–167), октябрьский переворот 1917 года – это “русский этнический бунт” (с. 167), “антисемитизм, разжигаемый “чёрной сотней”, после 1917 года бумерангом вернулся обратно в виде русофобии” (с. 164–165), “слабость интеллекта, дефицит воли и организационная импотенция <...> – вот три порока русского национализма, обусловившие его политическое поражение и роковую неспособность сыграть важную роль в отечественной истории” (с. 435) и другие, убедительно уже опровергнуты в статьях Вячеслава Румянцева (<http://www.hrono.ru/text/2009/rum1109.php>), Сергея Семанова (“Наш современник”, 2010, № 1), Ильи Колодяжного (“Литературная Россия”, 2009, № 50–51) и в выступлении Александра Казинцева на Кожинской конференции 28 октября 2010 года. Я приведу только одно высказывание В. Румянцева, которое напрямую связано с названием книги Т. и В. Соловей. Историк обращает внимание на то, что авторы “Несостоявшейся революции” странно не замечают современных изменений исторических смыслов русского национализма, и справедливо утверждает: “За минувшие два десятилетия усилиями государственных структур, начиная от Администрации Президента до завербованных агентов ФСБ, русское националистическое движение было выпотрошено – как в кадровом, так и в идейном содержаниях – и наполнено новыми кадрами и смыслами. Всё самобытно русское из него было удалено, а взамен интегрировано то, что соответствует глобалистским стандартам: против “чужих” шуметь можно, но ни о какой подлинной национальной и цивилизационной особенности своей страны и своего народа не может быть и речи. А те националистические организации, которые “разъяснениям” свыше не вняли, подвергаются уничтожающей “критике”: их руководителей арестовывают и отправляют за решётку, литературу изымают и запрещают судебными решениями” (<http://www.hrono.ru/text/2009/rum1109.php>).

Всё сказанное и несказанное позволяет оценить книгу Валерия и Татьяны Соловей “Несостоявшаяся революция” как творческую неудачу, как несостоявшееся открытие, как книгу, написанную людьми, слывшими в определённых кругах русскими националистами, а на самом деле не знающими и ненавидящими лучших представителей русской мысли XIX–XX веков.

Р. С. Велико было моё удивление, когда я узнал, что книга “Несостоявшаяся революция” – лауреат премии “Лучшие книги и издательства – 2009”, более того, – в номинации “Философия”. И что ещё удивительнее – подзаголовок книги вдруг стал называться “Исторические смыслы русской нации” (“Литературная газета”, 2010, № 6–7). Не знаю, на какой стадии и кем “русский национализм” в названии книги был заменён “русской нацией”, но гадаваюсь, почему...